

Кэмерон Джейс – Румпельштейн

(Приквелы Дневников Братьев Гримм #9)

Переведено специально для группы

~"°•†Мир фэнтези†°*~ <http://vk.com/club43447162>

Переводчики romanenkokarina, 289080659

Редакторы Евгения Волкова, NDobshikoVa

Обложка Татьяна Шкребнева

Внимание! Данный перевод подготовлен только для ознакомительного чтения.

Румпельштейн

Со слов Румпельштильцхена

Дорогой Дневник,

Называйте меня Румпельштейном. Это новое имя, данное мне моим создателем, человеком, который создал меня по причинам, мне не известным. А с другой стороны, кто знает настоящие причины своего создания?

Я всегда думал, что создатели или творцы бессмертны. Я никогда не полагал, что они будут умирать, как мы. Мой умер. Я как раз вернулся после посещения его могилы и пришел к затруднению, чувствуя не полноценность, не имея никого, кто бы рассказал, для чего я был создан. Не отвеченные вопросы плавали в моей голове. Кто я? Что я? Для чего я? Мои вопросы обращались к песку, к ветру. Казалось, что я никогда не узнаю ответа, и я задумался, было ли это то, для чего я создан, или у создателя всё-таки имелись планы на меня.

Мой создатель пытался играть в Бога, создавая меня, однако умер опозоренным провалом в поисках бессмертия. Ирония даже не может начать описывать это.

Я помню, как опустился на колени под дождем и прочитал имя своего создателя на надгробном камне. Знание его настоящего имени повергло меня в большое замешательство. Когда я узнал, мне пришлось написать это вступление в дневнике, чтобы рассказать вам об имени моего создателя. Мне интересно, будет ли это также шокирующе для вас, как было для меня.

Но прежде мне нужно рассказать вам об обстоятельствах, из-за которых я стал известен как Румпельштейн, это не настоящее моё имя, а настоящее - мне придется скрывать от вас тем же путем, что и мой создатель от меня. У нас есть свои причины.

Я не смогу рассказать свою историю во всех подробностях, и знаю, что вы с трудом поверите в большую её часть. Мой совет, думайте об этом, как о волшебной сказке. В конце концов, сказки - хороший способ проверить в невероятное.

Сейчас, держитесь крепче, потому что вот как это всё началось...

Когда я был ребенком и жил в Богом забытой деревне на краю света, до переезда в Королевство Скорби, дети в моей школе называли меня Румпельштильцхеном. Так они дразнили меня. Я был тощим ребенком, ниже среднего роста и с наследственным большим носом. Однако Румпельштильцхен не было моим настоящим именем.

Румпельштильцхен - это немецкое слово, которое переводится, как «гоблин, создающий шум бряцанием по столбам и по стуком по доскам». Это такое раздражающее существо, имя которого матери вспоминают, чтобы напугать своих детей, если те не хотят вовремя идти спать. Это как самая глупая версия Бугимена. Дети веселят взрослых, рассказывая друг другу истории о том, как они поймали Румпельштильцхена под кроватью предыдущей ночью, а потом заперли в шкафу. Или как скомкали его, как бумажный пакет, и играли, как снежками, словно Румпельштильцхен был несчастным хомяком. Я был самым неуважаемым созданием, о котором когда-либо слышал. Я был крохотным, чуть больше духа. И если задуматься, моё имя действительно смешное. Румпельштильцхен.

Так что юные годы я прожил с издевательствами и приклеившимся ярлыком «Румпельштильцхен». И хоть это и превратило моё детство в ад, меня это мало заботило. Меня воспитали хорошим ребёнком, слушавшимся взрослых, и я благодарен всем перипетиям, уготованным мне жизнью. И была ещё одна причина, почему я не сопротивлялся. Нельзя было, чтобы кто-то узнал моё настоящее имя – не Румпельштильцхен и не Румпельштейн – но сейчас я не хочу писать об этом или о своей семье.

Куда бы я ни направлялся, люди кричали вслед: «Рум-пель-штильц-хен!», делая ударение на каждый слог, высовывали языки, корчили рожи или просто пинали меня и дразнили. Даже когда мы переехали в Королевство Скорби, ничего не изменилось. Моё имя было проклятием-насмешкой. Даже когда я вырос и превратился в мужчину, моя коренастая фигура гнома служила поводом для шуток, и проклятие Румпельштильцхена продолжало жить.

Некоторые люди воспринимали меня, как монстра, даже если я не делал ничего плохого. Они считали меня злом из-за моего вида и моего имени.

Множество раз за свою жизнь мне хотелось зарычать в ответ на весь мир. Я мечтал о джине в бутылке, который превратил бы меня в злого великана, чтобы я смог отомстить тем, кто меня обижал.

Но я не мстил. Я был воспитан быть терпеливым, потому что мне говорили вырасти хорошим человеком и завести хорошую семью. Хорошим людям приходится выдержать испытание временем.

Когда я пишу этот дневник, я не могу прекратить смеяться: как же наивен я был! Но теперь я больше не принадлежу силам добра в этом мире. Если честно, хорошие люди, каким и я когда-то был, навевают мне смертную скуку. От них мне хочется зевать, особенно от героев. Кому такие нравятся? Доброта – лишь отговорка, самый простой выход.

Я вырос и стал обыкновенным мельником в Королевстве Скорби. Моя семья жила в крохотной лачуге под дырявой крышей. Моя жена пряла нити, и мы еле-еле сводили концы с концами. Спали мы на одной большой кровати, которая занимала почти всё место в комнате, и мечтали, что, когда у нас появятся дети, они будут спать вместе с нами. И пока мы все вместе, мы надеялись на «живут долго и счастливо».

Когда моя жена забеременела, она начала просить растение. Она не знала названия, но всё ещё могла чувствовать незнакомый аромат, она сказала, что оно пахнет как «прекрасные волосы». Вы не можете спорить со своей женой, когда она беременна. На самом деле, вы вообще не можете спорить с женой.

Будучи человеком семейным, я поспрашивал в деревне об этом растении, и, наконец, мне сказали, что это очень редкое растение, называемое «рапунцель». Одни крестьяне уверяли меня, что оно вообще не существует. Другие – что оно ядовитое и опасное. И все заверяли, что если такое и существует, то отвести меня к нему может только одна женщина. Предсказательница Мадам Готхель.

- Почему ты ищешь такое редкое растение?- она спросила меня.

- Моя жена беременна и она хочет его,- ответил я.

- Твоя жена? – Дама Готхель постучала ногтями по деревянному столу со стоящим на нём хрустальным шаром. – Как твоя жена может его хотеть, если никогда его прежде не видела и не ела?

- Она сказала, что видела его во сне, - ответил я правду.

- Твоя жена видит много снов? Она может предсказывать будущее во снах?

- Вовсе нет, - солгал я ей.

Моя жена предсказала свою беременность за неделю до того, как мы узнали. Я просто не думал об этом, так как это могло быть совпадение, но я не доверял Мадам Готхель.

- Хмм...- ухмыляясь, она дала мне какие-то растения. - Вот. Это растения рапунцель. Желаете чего-либо ещё?

- Сколько они стоят? Не думаю, что могу позволить их. Я могу купить лишь один.

- Ты можешь взять их все бесплатно. Мы не встречаем каждый день женщин, жаждущих цветы рапунцель.

- Мы? - спросил, сомневаясь в её намерениях.

- Мне нравится обращаться к себе, как «её Величество», иногда,- она сказала, громко смеясь, держа руку на груди. Под «Величеством» она имела ввиду Королеву Скорби. - Старая женщина может помечтать, не так ли?

- Конечно, - уважительно склонил я голову. – Спасибо, - и я пошёл прочь, всё ещё ей не доверяя, но радуясь тому, что смог исполнить желание своей жены – и, возможно, дочери. Кто знает, может это именно она захотела растение в материнском чреве.

- Постой! - окликнула Мадам Готхель меня.

- Да? - я обернулся, чтобы взглянуть на неё.

- Это первая беременность твоей жены? - спросила она.

- Да, это наш первый ребёнок. Мы надеемся, что это девочка, - улыбнулся я. Я всегда хотел дочку, которая станет самой прекрасной прядильщицей в стране. Существовало пророчество, в котором говорилось, что однажды вырастет красивая девушка, которая сможет прясть золото из соломы. Не то чтобы я в это верил, но разве может отец не мечтать о самом лучшем будущем для своей дочери?

- О, это точно девочка, - произнесла Дама Готхель, снова приложив руку к сердцу, а затем, не прощаясь, направилась к дереву, в котором жила. И тогда я увидел резную деревянную табличку, на которой было написано:

«Всё имеет свою цену».

Глядя на растения рапунцель, я удивился почему, она дала мне их бесплатно, но отодвинул эту мысль подальше и пошёл домой.

Моя жена ела растения каждый день, и они ей очень нравились. Я попытался однажды его попробовать. Фу! Ужасный вкус! Но жене я этого сказать не смог.

Хоть у меня было много растений, жена их быстро все съела, будто у неё была какая-то зависимость. Но я не доверял Мадам Готхель и не рискнул снова к ней идти. Что-то в этой женщине было злое.

Однажды, когда моя жена пряла, лист рапунцеля попал в прялку и прокрутился вместе с соломой. И тогда произошло кое-что странное: оттуда полезли новые растения. Теперь у моей жены был нескончаемый запас этого растения, которые можно было не сажать в землю, а просто прокручивать на прялке.

Я пытался предупредить жену, что такие заколдованные листья – явно дело рук тёмной магии - но она не стала слушать. И, в конце концов, я сдался, узнав, насколько эти растения могут быть полезны.

Мы поняли, что рапунцель может стать нашей пищей на оставшийся год, поэтому нам больше не приходилось работать ради пропитания. Жена готовила рапунцель с любым блюдом. Я с трудом проглатывал отвратительную на вкус пищу, но вымученно улыбался жене. Иногда мужчина должен терпеть вещи, которые нравятся его семье. Я должен сделать их счастливыми.

Дни шли за днями, а в Королевстве Скорби становилось всё холоднее. Я слышал от жителей деревни, что Дама Готхель предсказала, как на наши земли падёт проклятие: семь лет непрекращающегося снега и мороза. Крестьяне утверждали, что это случилось как раз после того, как Королева Скорби родила своего первенца-девочку, которую она назвала Белоснежкой.

А ещё через пару недель родилась и наша дочь...

Мы с женой назвали её Рапунцель, в честь растения, спасшего нас от голода в метели и морозы. А ещё это растение было редким, поэтому я верил, что моя дочь тоже станет особенной. Вспоминая то время, я считал свою дочь своим созданием, точно так же, как и мой создатель думал обо мне. Но к этому я вернусь позже, когда раскрою имя своего создателя.

Семилетнее проклятие превратило нашу жизнь в деревне во мрак, замаскированный белым снегом. Мы не могли выращивать зерно, а без этого мне не было почти никакой работы. Дороги были завалены, и люди голодали, отрезанные от внешнего мира.

А мы втроём жили под дырявой крышей на единственной скрипучей кровати благодаря силе нашей любви, связующей нас вместе.

Моя жена пряла растения внутри хижины, а улыбка Рапунцель наполняла маленькую комнату радостью и теплом.

Волосы Рапунцель росли невероятно быстро. Сначала мы считали это признаком хорошего здоровья. Её мама постоянно обрезала их, но это почти не помогало. И тогда мы нашли применение для срезанных волос. Мы заткнули ими все дыры и углы в хижине и разжигали на них огонь, спасаясь от пронизывающего холода. Я ведь говорил вам, что моя дочь станет особенной. Без неё мы уже давно бы, скорей всего, умерли от голода, как и многие другие.

Спустя несколько лет снега стало меньше, и над нашей деревней даже иногда начало подниматься солнце. Дороги были голыми и запущенными за столько лет без использования. Да и ландшафт нашей местности значительно изменился. Оказалось, что нашу деревню теперь окружает озеро, которого раньше не было и в помине. Нам стало сложнее перебираться на другую сторону к большим городам, продавать товары и зарабатывать деньги.

Нам надо было закупать солому в Скорби, но мы не могли переправиться через озеро, а когда построили лодки и переплыли на другой берег, то выяснили, что Королева Скорби решила изгнать нас из королевства. Моя деревня была одной из самых бедных местностей, и Скорбь решила, что после стольких лет ледяного плена от нас не будет никакой пользы. Мы превратились в изгнанников, ненужных королевству, а из-за озера всё стало только хуже. Если кто-то пытался переплыть на другой берег, охотники Королевы расстреливали или вешали его.

Нас попросту заперли на нашем острове, снова покинув на голодную смерть.

Мы еле выживали на растениях рапунцель, и их перестало теперь хватать. Мы растили ребёнка, и однообразная пища не подходила для растущего организма – хотя её волосы по-

прежнему росли сами по себе. Спрядённые растения больше не были так хороши, как раньше, словно они, как и мы, старели с годами.

Если бы мы только смогли раздобыть где-нибудь солому, нам было бы что предложить Скорби. Может, тогда они бы вернули нас в состав королевства или, по крайней мере, покупали бы у нас товары.

Но снежные завалы на нашей стороне озера никуда не исчезали, будто деревня до сих пор находилась под проклятием. Однажды утром я проснулся и увидел, как над Королевством Скорби сияет солнце, но к нам не пробивалось ни одного лучика, а небо всё ещё было затянуто серыми тучами.

Я попытался отправиться к Мадам Готхель, но она ушла в Королевство Скорби и стала там предсказательницей самой Королевы. Кто знает, как ей удалось пересечь озеро.

А позже мы узнали о захватчиках, приплывших сюда из Европы и нацелившихся на Королевство Скорби. Ходили слухи, что они не были людьми, что это армия демонов с длинным зубами, пьющих кровь, чтобы выжить. Моряки рассказывали нам о каком-то Вампирском Безумии, накрывшем в то время Европу, и мы подозревали, что захватчики имеют к этому какое-то отношение. Поговаривали, что они собираются напасть на Скорбь и схватить ребёнка Королевы.

Зачем им ребёнок Королевы? Меня это не интересовало. Я был беспомощным человеком, желавшим спасти свою семью, но изоляция и растущая внутри слабость просто убивали меня каждый раз, когда я смотрел на свою прекрасную дочурку.

Я узнал, почему Королева закрыла нам проход в другие земли. Захватчики из Европы нападали на Скорбь со стороны нашей деревни. И Королева предпочла пожертвовать нами вместо целой страны. Меня всегда озадачивали действия Королевы. Вот и сейчас я не знал, что мне делать: проклинать её за то, что она бросила одни земли ради спасения других, или аплодировать её мужеству, потребовавшемуся ей для принятия столь радикального решения по спасению остального королевства?

Мы в деревне заперли двери, спрятали пожитки и притворились мёртвыми, когда пришли захватчики. Поговаривали, что если захватчик заглянет тебе в глаза, то ты не проживёшь и минуты. Сохранить жизнь можно было только одним способом: помогать им.

Многие из нашей деревни стали помогать захватчикам, показывая, как перебраться через озеро или попасть в Королевство Скорби по дорогам, по которым мы сами не рисковали ходить. Крестьяне рассказали разбойникам истории Скорби, и кто какую роль играет в её существовании. Они рассказали захватчикам всё, что им было нужно, в обмен на сохранение жизни.

А я тем временем спасал себя и свою семью, выкопав в земле подобие погребка и редко вылезая на поверхность. Моя жена, любимая дочь, растения, кровать, волосы, прялка и, конечно же, я сам прятались в этом секретном убежище.

Моя жена пыталась убедить меня помочь захватчикам и спасти наши жизни, но я не собирался предавать своих земляков. Кто такая Королева Скорби, чтобы решать, кто принадлежит её землям, а кто – нет? Я всё ещё входил в Королевство, и пусть родился я не в этих землях, но здесь я создал семью, и это место я зову домом. И никакая злобная правительница не изменит этого! Я часто представлял, как в один прекрасный день нахожу дорогу домой.

Спустя несколько лет захватчики покинули нашу деревню – возможно, они нашли более удобный путь в Королевство. Опять же, меня это не волновало. Я был обычным человеком, не вмешивающимся в политику. Всё, что меня волновало – моя семья.

Когда моей дочери, Рапунцель, стукнуло одиннадцать лет, пришлось расстаться с растениями рапунцель – они больше не хотели появляться из прялки. Думаю, всему суждено постареть и однажды умереть.

Нам нужно было найти способ получить солому и снова начать прясть, но единственным вариантом было пересечь озеро и выбраться из нашей брошенной земли. А это – верная смерть.

И вот я сидел, беспомощный и неспособный обеспечить свою семью, и тут в хижину вошла Рапунцель и предложила выход: её волосы.

Моя дочь предложила использовать вместо соломы её быстро растущие волосы. И это сработало. Но нам приходилось держать всё в тайне. Я не хотел, чтобы соседи начали нам завидовать, или чтобы кто-то начал спрашивать, откуда у нас солома.

День за днём мы следили за волосами Рапунцель, выжидая момент, когда сможем их состричь и использовать. Не скажу, что меня это радовало, как отца, но Рапунцель всё равно некуда было девать излишки волос, а у нас не было другого выбора.

И всё же, я по-прежнему боялся переплывать через озеро на другую сторону вместе с товарами. Солдаты могли застрелить меня прежде, чем я успею объяснить им, чего хочу, поэтому я сложил товары в лодку, прикрепил записку, в которой обозначал, кто я такой и что мне надо в обмен на свои товары, и оттолкнул лодку от берега. Слава богу, никто из солдат не рискнул переплыть в нашу деревню. Они считали нас чумой и не хотели иметь с нами дела.

Пока я стоял, погружённый в свои мысли, лодка остановилась посреди озера через пару минут после отплытия от берега.

Какой же ты беспомощный человек, Румпельштильцхен! Даже когда твоя дочь попыталась тебя спасти, ты ничего не смог сделать! Когда ты, наконец, соберёшься с силами и защитишь своих людей?

Я стоял на берегу и размышлял, хватит ли мне духу подплыть к лодке и подтолкнуть её дальше. Нет, не хватит. Я был хорошим человеком, но беспомощным и бесполезным трусом. А разве может хороший человек быть хорошим, если он такой покорный?

Сейчас, вспоминая те дни, я не могу не смеяться, глядя на своё отражение в зеркале. Возможно, добро и зло - не просто качества человека. Это профессия, и мне надоело быть хорошим. Легко утверждать, что ты хороший. Но гораздо сложнее оправдывать ожидания. Грань между добром и злом такая нечёткая, что, не зная, можно с лёгкостью ступить на серую полосу между ними. А серый - лишь на пару оттенков светлее чёрного, но он никогда не превратится обратно в белый.

Вот такие чувства обуревали меня в тот день, и вскоре вы увидите, к чему это привело.

Я почти минуту стоял на промозглом холоде у кромки воды, и тут самым непостижимым образом пришла помощь. Она тоже показала мне, насколько я бесполезен, но ещё и убедила меня в том, что я всё же хороший человек. Это было своего рода божественное вмешательство.

Из воды выпрыгнули русалки и начали подталкивать лодку к противоположному берегу. Они были молоды и прекрасны, а не злы и подлы, как описывали их древние предания. Одна из них обернулась и послала мне через плечо воздушный поцелуй. На её шее поблёскивало ожерелье, сделанное из ракушек; оно переливалось, напоминая мне свет луны среди тёмной ночи - луны, которая не появлялась на небе уже несколько ночей. Но это совсем другая история. Я покраснел и потёр затылок, думая, что сделала бы со мной жена, если бы это увидела.

На закате русалка с ожерельем из ракушек вернулась с платой за товар. Это было не золото, а две корзины с фруктами и овощами и дубовая дощечка, на которой было нацарапано:

«От лица Короля Скорби мы рекомендуем вам держать вашу магию в тайне и с нетерпением ждём вашей следующей лодки».

Подписи под запиской не было, но раз там упоминался Король Скорби, мне было ясно, что речь шла о Королеве. Король был слишком занят, защищая королевство, набирая в армию юнцов, и у него не было времени на благодарственные записки. Он был хорошим человеком, но в отличие от меня, он был сильным. И хоть его и пугали враги, но мужество нашего Короля смогло войти во многие сказки, рассказываемые на ночь детям в королевстве.

Когда я вернулся домой к моей прекрасной семье, всё было замечательно. Меня приветствовали, как храброго отца и мужа. Две самые чудесные женщины любили меня больше, чем я того заслуживал. Я не стал рассказывать им о русалках, хоть Рапунцель и нашла на дне корзинки сырую рыбу. Скорей всего, русалка тихонько засунула её туда, пока я смотрел в другую сторону.

Когда Рапунцель стукнуло пятнадцать лет, она подошла ко мне однажды кое-что показать.

- Закрой глаза, Румпельштильцхен, - она любила называть меня не отцом, а моим именем, считая его забавным. Я никогда не называл ей своего настоящего имени, но имя Румпельштильцхен из её уст звучало намного приятней, чем от тех, кто им меня обзывал.

Я закрыл глаза, не в силах сопротивляться очаровательной улыбке своей дочери.

- Теперь подожди, - произнесла она, и я услышал щёлканье ножниц. Она срезала прядь моих волос.

- Ой! - воскликнул я. - А это ещё зачем?

- Я спряду твои волосы в прялке, - восторженно ответила дочка.

- Но это всего лишь крохотный клочок, да и к тому же, мои волосы не так хороши, как твои, - возразил я.

- Я их спряду не для обычных целей, - она осторожно коснулась моего носа своими тоненькими пальчиками. У меня был большой нос, который казался ещё огромнее из-за моего небольшого туловища. Он нравился только Рапунцель, а в моей молодости отводил от замужества многих женщин. Наверно, они считали, что я буду храпеть всю ночь, если уж не говорить о том, что он делал меня абсолютно непривлекательным.

- Да? Тогда зачем ты будешь прясть их в прялке? - спросил я.

- Это секрет, - прошептала она мне на ухо.

- Что же Румпельштильцхену сделать, чтобы его принцесса доверила ему такой важный секрет? - уточнил я у Рапунцель.

- Ты должен заснуть, - хихикнула девочка.

- Хм... Заснуть? Сейчас?

- Когда захочешь, но не раньше, чем я с помощью твоих волос спряду для тебя сон, - ответила Рапунцель.

- Сон? Теперь ты умеешь прясть сны?

- Тссс, Румпельштильцхен! Шёпотом, говори такое шёпотом, чтобы никто не услышал.

- Хорошо, Рапунцель, - сказал я. - Так ты можешь на прялке спрясть сон? - прошептал я.

- Да, - кивнула девчушка. - Я сначала попробовала на себе, а потом на маме, только она об этом не знает. Я отрезала у неё прядь волос, пока она спала. А когда я на следующий день спросила у мамы, что ей снилось, она описала в точности то, что я спряла.

- Так ты и контролировать сны можешь? - подыграл я, прошептав и настороженно оглядевшись по сторонам.

- Я не ребёнок, Румпельштильцхен. Не надо притворяться, что веришь мне, если на самом деле не веришь. Но это работает. Когда я начинаю прясть, то закрываю глаза и придумываю прекрасный сон. И обычно получается именно так, как я представила. А теперь ложись спать, Румпельштильцхен, - и она толкнула меня на кровать.

Той ночью мне снилось то, что спряла для меня дочь. Сон о прекрасной принцессе, рождённой прекрасной королевой, живущими в огромном замке с четырьмя воротами. Ворота не вели в разные местности. Нет, каждые ворота открывались в определённую пору года: осень, зиму, весну или лето. Поэтому и королева, и принцесса могли за один день насладиться всеми четырьмя порами года и есть любые фрукты, которые хотели, круглый год. Сон был глупым, но приятным.

А после восхода солнца я целый день смотрел на прялку, пока Рапунцель и её мать ушли на рынок неподалёку.

Что же это за прялка? И кто прядёт все сны? Прялка или моя дочь? И что это означает? Могу ли я сам спрясть на ней сон?

Я вспомнил, как матери Рапунцель сначала приснилась ещё не рождённая дочь, а потом и растение рапунцель. Может, мы семья с великим даром предсказания будущего через сновидения? Я ведь уже рассказывал вам, что всегда верил, что моя дочь особенная.

Мне на ум пришло пророчество о девушке, которая умеет прясть золото из соломы. Мечта любой матери и любого отца - чтобы их дочь обладала подобными волшебными возможностями. Я всегда считал, что глупо в такое верить. Но кого я обманывал? Русалка помогла дотолкать мою лодку на другой берег озера! Имя «Румпельштильцхен» было не просто глупым словом, в нём определённо было нечто большее.

Я легонько коснулся прялки, размышляя о том, каково это - уметь сплести сны. Рапунцель называла прялку станком из Мира Сновидений, где происходит настоящее волшебство, а себя она называла Прядильщицей Сновидений - той, кто прядёт сны. Как красивое платье. Только вместо иглки и ниток - прялка и веретено.

- Что мне будет сниться сегодня ночью? - спросил я у дочери, когда она вернулась.

- Ну не каждый же день, Румпельштильцхен! - рассмеялась девочка. - Не жадничай. Это не так-то просто.

- Что ты имеешь в виду?

- Нехорошо использовать прялку каждый день. Не знаю почему, но ей это не нравится.

- Прялка с тобой разговаривает?

- Нет. Но я её чувствую. Мы каким-то образом связаны с ней.

- Связаны?

Рапунцель опустила голову, скрестила руки и переплела пальцы:

- Я не хочу об этом говорить. Обещаю, скоро я сплету для вас с мамой невероятный сон.

Я не был человеком, способным использовать свою дочь, какими бы магическими способностями она не обладала. Я и так жалел её за то, что ей приходилось прясть солому в её возрасте, хотя она должна была играть дни напролёт и открывать для себя радости жизни.

Однажды, вернувшись домой от озера, я нашёл на нашей кровати кусок золота. Настоящий кусок золота.

- Ты это видел? - спросила меня жена, чуть не бросаясь в пляс.

- Где ты его взяла? - поинтересовался я, нахмутив брови. Я ощущал за этим какое-то зло. Моя жена была прекрасной матерью для Рапунцель, но она всегда хотела лучшей и богатейшей жизни. Однажды она уже просила меня предать своё королевство, и это меня беспокоило.

- Эта плата за услугу, которую сегодня оказала Рапунцель, - ответила жена.

- Это за какую же услугу можно отдать кусок золота?

Я не хотел говорить жене, что в жизни раньше никогда не видел золота. Я считал, что раз уж мне никогда его не заработать, то и узнавать, как оно выглядит, не имеет смысла.

- Рапунцель соткала для ребёнка сон, - ответила моя жена. - Каким-то образом одна женщина узнала о способностях нашей дочери и попросила её соткать для её ребёнка красивый сон. А на следующее утро она была так рада из-за того, что её дитя увидело во сне, что заплатила нам кусочком золота. Ты хоть представляешь, какими богатыми мы можем стать?

Так пророчество не врёт? Действительно существует девушка, которая может прясть золото из соломы путём создания снов?

- Богатыми? - взмахнул я рукой. - Да о чём ты говоришь, женщина? Кто рассказал той леди о даре, которым наградил господь нашу девочку?

- Клянусь, никто из нас не говорил. Но раз уж теперь всё вышло наружу, то в чём проблема, Румпельштильцхен?

Я подошёл к дочери и спросил, как она себя чувствует. Золото меня не заботило.

- Я в порядке, - уверила меня Рапунцель. — Видел золото? — выдавила она улыбку. Что-то было не так, но она не станет рассказывать, что именно. А я не мог её заставить. Она была храбрым, но немного упрямым ребёнком, и я знал, что она может пожертвовать собой ради семьи. В этом была и моя вина. Я чувствовал ответственность с тех самых пор, как позволил ей прясть её волосы.

- Как звали женщину, которая вам заплатила?

- Ой, - хихикнула Рапунцель, - она была очень забавная, болтливая и дружелюбная. Её звали Мадам Готхель. Она сказала, что знает тебя, и попросила напомнить, что всё имеет свою цену. Поэтому она и заплатила нам за услугу.

Я так и знал. Всё это было неправильным. Моя жена и Рапунцель никогда не видели Даму Готхель, а я им не рассказывал, откуда принёс растение рапунцель.

Когда я уточнил у дочери, как выглядела Мадам Готхель, девочка описала её очень красивой пожилой женщиной. А ведь я знал, что в ней есть что-то злобное. Когда мы

встречались, она выглядела далеко не красиво с седой паклей вместо волос и длинными ногтями.

Я стоял и смотрел на тусклый закат над деревней и размышлял о том, что уготовило мне будущее.

Секрет моей дочери вышел наружу, и мы не могли остановить поток отцов и матерей, умоляющих Рапунцель соткать для их детей сны. Моя жена стала ещё более жадной, а Рапунцель была всего лишь подростком, и она с радостью воспринимала свои новые способности, благодаря которым мы можем разбогатеть и насобирать целый мешок золота. К нам даже приходили люди с противоположного берега озера, из Королевства Скорби, вместе с прядями волос своих чад и кусочками золота.

Но Мадам Готхель больше не приходила.

Я начал замечать, что работа за прялкой высасывала из моей дочери энергию. Она выглядела нездоровой, постоянно кашляла и становилась всё измождённое день ото дня. Мне пришлось запретить ей прясть и отказаться от всех предложений соткать сон. Я отнёс дочь на кровать и укрыл одеялом, давая восстановить силы. А сам сел следить за ней.

И в тот же день прямо посреди ночи кто-то начал выкрикивать моё имя за дверью нашей лачуги.

- Румпельштильцхен! – кричал молодой и полный жизни голос. Казалось, он веселился, выкрикивая моё имя. – Рум-пель-штильц-хен!

Разозлившись, я распахнул двери прямо в ночной рубашке. Там стоял парнишка вместе с лошадьё. Он был высоким, худым и в зелёной шляпе с торчащим белым пером.

- Родители не учили тебя стучать? – прорычал я.

- Не-а, - вскинул он бровь. – Я вообще не любитель дверей. Я ими попросту не пользуюсь. Люблю пробираться в дома. Открытые окна и высокие деревья – вот и всё, что мне нужно.

- Чего? – буркнул я. – Кто ты такой и чего хочешь, околачиваясь под моей дверью в такой поздний час?

- Во-первых, тебе действительно стоит уехать из этого дома, - произнёс мальчишка. – Человек с твоими залежами золота может позволить себе лучшую дверь и лучший дом... И лучшее имя.

Он вытащил соломинку, засунул в уголок рта и начал пожёвывать.

- Меня зовут Джек.

- И почему же ты зовёшь меня посреди ночи, Джек?

- Ой, я не звал тебя. Просто хотел посмотреть, смогу ли произнести твоё имя десять раз подряд, не прикусив язык и не заскрежетав зубами. Забавное имя у вас, батенька.

- Клянусь богом... - я и сам начал скрежетать зубами.

- Эй, эй, полегче, Румпельштильцхен, - взмахнул Джек руками. – Я хочу тебе помочь. Вообще-то, я здесь для того, чтобы тебя предупредить.

- О чём? - прищурился я.

- О Мадам Готхель и Королеве Скорби, - произнёс он. – Короче говоря, я подслушал их разговор о твоей дочери.

- О Рапунцель? – занервничал я.

- Точно. Не знаю всю историю целиком, но я так понял, существует пророчество, что женщина, возжелавшая во время беременности растение рапунцель, родит девочку-первенца.

У этой девочки будут длинные золотистые волосы, и она сможет прядь сны или что-то вроде того. Ну и Королева Скорби хочет заполучить этого ребёнка, потому что девочка для неё очень важна.

- Так ты говоришь...

- Я говорю, что охотники Королевы скоро заявятся к вам и дружелюбными они не будут. Да даже если бы они были дружелюбными, то убили бы тебя просто потому, что у тебя забавное имя. Ты же знаешь: эти охотники только пьют и убивают, а между делом похищают людей. Так что я не ошибусь, если скажу, что скоро они придут за твоей дочерью.

Я мгновение стоял молча. Кем бы ни был этот парнишка, я чувствовал, что могу ему верить. Да и его слова не стали для меня сюрпризом. Я с самого начала считал, что Мадам Готхель хочет навредить моей семье. Так вот какова цена данным мне тогда бесплатно растениям рапунцель? Моя дочь, выросшая и превратившаяся в прекрасную девушку!

- Но почему сейчас? Они же всегда знали о Рапунцель, - пробормотал я. – Все знают, что она искусная прядильщица. Почему сейчас? – бормотал я, глядя в тёмное небо.

- Если ты спрашиваешь кого-то там, наверху, то не думаю, что у них есть ответ, - произнёс Джек, пожёвывая соломинку. – А вот у меня он есть. Я слышал, как они говорили, что Рапунцель станет полезна для Королевы только по достижению определённого возраста. Так что, возможно, они ждали, когда твоя дочь вырастет, или просто проверяли временем, обладает ли она силой прядь сны, - заявил Джек и свистнул своей лошади. – Извини. Мне пора. Осталась кое-какая работёнка. Я просто решил заглянуть и предупредить тебя.

- Постой. А как ты вообще всё это узнал? – поинтересовался я.

- Скажем так: я был в нужном месте в нужное время, в нужном шкафу с нужным количеством драгоценностей.

- Так ты вор? Поэтому ты никогда не стучишь в двери! Ты просто прокрадываешься в людские дома. И именно так ты услышал разговор Королевы.

- Со всем уважением, но это не дом, - кивнул парень на мою лачугу. – Но в том, что ты говорил, я виновен, - Джек гордо вскинул руки. – Сегодня, например, я украл яблоко и гребень, только вот не знаю, зачем они мне. А, вот ещё что, - Джек вытащил из седельной сумки на боку лошади меч и протянул его мне. – Возьми. Мне он точно не пригодится.

- Мне не нужен меч. Я не убиваю людей. Я хороший человек.

- Ну-ну, - покачал головой Джек и прошептал мне на ухо: - Ты можешь сколько угодно быть хорошим человеком, но если понадобится защитить свою семью, без меча ты будешь недостаточно хорош.

- Считаешь, я прислушаюсь к совету вора? – буркнул я.

- Нет, - задумчиво протянул Джек. – Я считаю, что ты должен взять меч.

Он вложил рукоять мне в ладонь.

- И ещё, Румпельштильцхен, - добавил он, собираясь запрыгнуть на спину лошади, – один мудрый человек однажды сказал мне, что противоположность жизни – это скука. Так что прошу тебя, не будь скучным!

- Подожди! – я побежал за удаляющимся в ночи парнем. – Почему ты вообще решил меня предупредить?

- Ради Бога, я же вор! Я всегда на стороне бедняков. И кто-нибудь обязательно напишет обо мне книгу!

Обескураженный безнравственными речами Джека, я заскочил в дом и разбудил жену. Нам надо сбежать прежде, чем пожалует Королева Скорби.

А Рапунцель опять сидела за прялкой и выглядела совсем больной.

- Что ты делаешь, Рапунцель? - воскликнул я. - Тебе же нехорошо, и я запретил продолжать прясть.

- Я должна соткать его для тебя, Румпельштильцхен, - еле-еле улыбнулась девочка, кивая на прялку. Я заметил, что она прядёт мои волосы. - Я сотку тебе ещё один прекрасный сон, - произнесла моя дочь. Её веки дрожали от усталости. Прялка пожирала её душу, но, казалось, что, несмотря на это, моя дочь была вынуждена прясть.

- Какой сон? - спросил я.

- Сон обо мне, - пробормотала она. - Чтобы ты никогда меня не забыл.

Я не понял, почему должен забыть её, но прежде чем успел уточнить, Рапунцель лишилась чувств. Я поднял её на руки, позвал жену, и мы заспешили прочь из дома.

Но было уже слишком поздно.

К нашему дому приближались охотники на лошадях, и от топота копыт у меня мурашки побежали по телу.

Когда я вышел, охотников было уже четверо; они скрывали свои лица под шлемами в форме головы ястреба. Только один из них был всадником без головы, а возможно, мне просто так казалось из-за сгустившейся вокруг нас ночной тьмы. Они уже поймали мою жену и бросили её в ближайший колодец вместе с мешком золота. Значит, пришли они сюда не за золотом. За Рапунцель, как и говорил Джек.

Я побежал, держа на руках Рапунцель, но меня окружили. Почувствовав, как подкашиваются ноги, упал на колени. Лучше бы я взял с собой меч Джека! Но он остался в хижине.

Я был уверен, что нас спасут. Кто-то или что-то придёт на помощь. Очередное божественное вмешательство. Но я ошибался.

Ко мне решительно направилась Дама Готхель.

- Отдай нам свою дочь добровольно, Румпельштильцхен, - протянула она вперёд руки. – Мы всё равно её заберём.

- Нет! – закричал я и прижал Рапунцель сильнее к своей груди. Её длинные волосы мотались по земле.

Внезапно воздух вокруг меня стал ледяным, а тучи на ночном небе окрасились в тёмно-фиолетовый цвет. У меня по коже побежали мурашки. Над нами кружили вороны, хлопали крыльями и злобно каркали. На деревню опустился тёмный туман, расступавшийся перед приближающимся к нам таинственным всадником. Королевой Скорби.

Она выехала из темноты на безрогом единороге. Даже в такое мрачное время красота Королевы казалась мне ошеломительной. Как Смерть собственной персоной. Каким образом такая тёмная душа, как у неё, могла населять такое прекрасное тело? Я подумал, что только белый единорог, на котором она сидела верхом, мог сравниться с Королевой по красоте. Может, поэтому она и срезала его рог?

Я присмотрелся и заметил шрам на том месте, где должен был быть рог. Единорог грациозно потрусил в мою сторону. Королева не спеша спрыгнула с его спины, склонила голову и пристально осмотрела Рапунцель голодными глазами. Мне почудилось, что если бы её не

окружали охотники, то она бы облизала губы и, высунув раздвоенный змеиный язык, коснулась бы им моей дочери.

- Это она? – поинтересовалась Королева у Мадам Готхель.

- Она, Ваше Величество, - Мадам Готхель прижала руки к туловищу и поклонилась.

- Отдай её мне, Румпельштильцхен, - приказала Королева Скорби. – Она моя.

- Что это значит? Она моя дочь, и вы её не получите!

- Если ты отдашь мне девочку, я снова верну вас в Королевство Скорби и обещаю, что исполню любое твоё желание, - произнесла женщина.

- Я не откажусь от своего ребёнка, - и прижал к себе Рапунцель сильнее, касаясь щекой её щеки.

Королева опёрлась о бок единорога и нетерпеливо вздохнула:

- Почему ты заставляешь меня убивать тебя, Румпельштильцхен?

- Можете меня убить, но оставьте мою дочь в живых, - твёрдо ответил я.

- Как пожелаешь, - Королева прищёлкнула пальцами, подняла глаза к небу, и ей даже не пришлось повторять дважды. Я даже не заметил, как безголовый охотник поднял меч и одним ударом съел мне голову.

Это произошло быстро и на удивление безболезненно. У меня даже не было времени спросить у всадника без головы, кто отрубил ему голову. Или он теперь просто завидовал людям, у которых есть голова, а у него – нет?

Я никогда не думал, что смерть постучит в мою дверь так неожиданно, без всякого предупреждения. Не было никаких «У вас есть последнее желание» или «Если вы о чём-то сожалеете, то самое время это признать».

Я не почувствовал, как моё тело ударилось о землю, как отпустил дочь. Перед глазами всё стало серым, и я ощутил, что моя жизнь – ничто в этом мире. Я был хорошим человеком, но мне это не помогло.

А с последним вдохом я увидел картинку из другого мира. Там была девушка, но не моя Рапунцель. На девушке была красная шапочка, она бежала к чему-то и сжимала в руке косу.

Сперва я подумал, что она – ангел Смерти, но потом понял, что бежит она к чёрной тени.

- Стой! – крикнула ей девочка в красной шапочке. – Это не справедливо. Он хороший человек, и его время ещё не пришло.

Но тень оказалась сильной, оттолкнула девушку и начала сжиматься вокруг меня.

Всё ближе и ближе... Пока всё вокруг меня не погрузилось во мрак.

Вы, наверно, считаете, что рассказ заканчивается после смерти рассказчика, но в сказках всё совсем не так. Я не знаю, что случилось после моей смерти. Но помню, как снова открыл глаза...

Я лежал на спине в какой-то комнате, всё вокруг заливал тусклый свет. Глаза болели, а окружающие предметы расплывались. И я не чувствовал тело.

Что зашевелилось рядом со мной. Сначала я подумал, что это животное, но ошибся. Какое животное носит чёрный плащ, сжимает газовую лампу и хихикает, как гoblin?

Это был низенький и толстенький мужчина. Он стоял на скамье, и я мог его рассмотреть. Этот человек был сгорбленным и ужасным. В полумраке поблёскивал его золотой зуб, изо рта воняло, а все зубы были гнилыми. Левый глаз его был закрыт чёрной повязкой, а правый

внимательно меня рассматривал. Он был так ужасен, стараясь казаться кем-то другим, а не тем, кто он есть.

- Оставайся на месте, - сказал он мне и снова захихикал. Похоже, я его забавлял. Неужели это и есть жизнь после смерти? Если да, то я такого не хочу.

- Ты скоро сможешь двигаться. Ты первый. Ты чудо, - усмехнулся он с ноткой зависти в голосе. – Хозяин! – позвал он.

Моя голова раскалывалась, и я попытался пошевелить ногами, но не чувствовал ни ног, ни рук.

- Перестань называть меня Хозяином. Ты зовёшь так всех, на кого работаешь, - произнёс второй человек Горбуну и подошёл на меня посмотреть. Он был молод и похож на захватчиков из Европы, но я не видел в нём зла. Мужчина носил бороду, на нём был белый халат, как у врача, а в одной руке он держал пергамент.

- Как ты себя чувствуешь? – спросил он у меня заботливым тоном, словно я был его ребёнком. И был мужчина до странного искренним. Я что, в аду?

- Где я? – я осознал, что мой голос звучит по-другому.

- Ты... жив, - ответил мужчина, написал что-то на пергаменте и затаился трубкой.

- Это чудо, Хозяин, - повторил горбун с светящей газовой лампой. – Вы это сделали. Сработало!

Горбун начал своеобразно мерзко радоваться, ходя вокруг меня с газовой лампой и напевая:

- Живой! Живой!

- Заткнись, Горбун, - произнёс Хозяин.

- Я терпеть не могу это имя, Хозяин. Вы это знаете. Его придумал Пит, - ответил Горбун. – Мне нравится, когда меня называют Игор. И-гор. Особенно хорош слог «гор» в конце, - и Горбун раздражающе хихикнул.

- Отдохни пока, - сказал мне Хозяин, не обращая внимания на Горбуна. – Потребуется ещё немного времени, чтобы соединить все твои части тела, - произнёс он, закрывая мои веки своей рукой, и я снова начал засыпать. – Ты был подключён к электричеству девять месяцев, как новорождённый, так что скоро ты будешь полностью готов – новый персонаж в книге вечности. Ты рождён воображением автора, - я слышал его бормотание, пока не провалился в сон.

В течение следующих дней я снова начал чувствовать своё тело, но пока ещё не мог двигаться. Меня удивляло то, что я не ощущал ни голода, ни жажды. Я слишком уставал, чтобы поддерживать беседу, а моя голова раскалывалась от боли.

- вот однажды Хозяин рассказал, что со мной произошло. Я был мёртв, и чтобы меня возродить, он провёл надо мной научно-обоснованный процесс под названием «гальванизм» - метод, который прежде ни разу не тестировался на живом существе. Он нашёл мою голову, после того как безголовый охотник Королевы отрубил её, добавил части тела других созданий и создал нового меня. Он сказал, что нашёл мне новое сердце, не принадлежавшее мне – сильное сердце, которое пока ещё не было связано с остальным телом.

Во всём этом не было смысла, но единственное, что меня на тот момент волновало, это то, что я вернулся из мёртвых. Этот человек играл со мной в Бога, но хоть я и осознавал, во что превратился, я не мог отказаться от дара жизни. Даже если она проклята.

- Когда твоё сердце примет новое тело, ты сможешь мечтать и вспоминать события, сможешь ходить и увидеть своё отражение в зеркале, - говорил Хозяин. – А пока отдыхай дальше, - улыбался он мне. – Тебе уготована великая судьба, Румпельштейн. Великая судьба. Такое создание, как ты, будет жить вечно, и твоё имя будет записано в известных книгах.

- Значит, моё имя Румпельштейн? – промычал я.

- Да, одно из многих, - кивнул мужчина. – Но из всех имён Румпельштейн мне нравится больше всего. – Он стиснул зубы и сжал руку в кулак. – Это сильное имя для сильного создания. То есть, человека. Ты станешь сильным, и твои враги станут тебя бояться. Никто не рискнёт встать у тебя на пути. А теперь отдыхай. Когда ты снова сможешь видеть сны и всё вспомнишь, то поймёшь, кто ты есть, а не кем ты был.

У меня есть воспоминания? А я думал, что только что родился. Я и не знал, что это моя вторая жизнь. Вы когда-нибудь вспоминали вещи, которые с вами не происходили? Тогда вы, скорее всего, родились там, где я беспомощный в тот день лежал.

Той ночью моё сердце, наконец, соединилось с новым телом, и мне начали сниться сны.

Мне снилась девочка с длинными волосами, работающая за прялкой. Моё призрачное появление заставило её улыбнуться, и я услышал, как её розовые губы произносят знакомую фразу:

- Я же говорила, Румпельштилцхен, что спряду для тебя чудесный сон.

- Кто ты? – спросил я, когда у меня не получилось извлечь из вскрытой памяти нужное воспоминание.

- Я Рапунцель. Твоя дочь. Ты снова жив. Ты ведь отомстишь за меня, папа?

Я очнулся в приступе ярости, разбивая и разрушая всё, что видел. Я вспомнил свою дочь и жаждал мести. Я знал, кем я был, и что со мной произошло. Горбун спрятался под столом и боялся смотреть мне в глаза. Хозяин стоял в дальнем углу, курил трубку и что-то записывал на пергаменте, изучая своё новое создание.

И тогда я впервые увидел своё отражение в зеркале: ужасный, уродливый, деформированный. То ли живой, то ли мёртвый. Меня составили, как мозаику, из разных частей тела, и выглядел я премерзко.

- Я это исправлю, - уверил меня Хозяин. – Сначала я должен удостовериться, что всё сработает. Скоро я сделаю для тебя красивое, улучшенное тело. Румпельштейн.

- Не называй меня так! – закричал я. – Я хочу видеть свою дочь!

- Значит, ты вспомнил? – с детским любопытством подался вперёд мужчина. – Это хорошо. Как только тебе станет лучше, ты будешь волен делать, что пожелаешь.

Внезапно в комнату проникли крики и топот ног. В замешательстве я подошёл к маленькому окошку и выглянул на улицу. Перед башней собралась огромная толпа с факелами, проклиная моё новое существование и новое имя. Все люди были жителями Королевства Скорби, и все они требовали моей смерти. Их послала Королева, желавшая покончить со мной раз и навсегда. Королева, похитившая мою дочь и разрушившая наши жизни.

Что же это за жизнь после смерти? Я был хорошим человеком и умер на коленях, но всё же остался хорошим в душе. Я не хотел, чтобы меня воскрешали, не хотел, чтобы меня ненавидели. Всё, чего я желал – это спасти свою дочь. И у меня снова не получилось.

- Не обращай на них внимания, - сказал мне Хозяин. – Они скоро уйдут, потому что не смогут попасть внутрь мельницы. И люди не понимают твоего величия, - он подошёл ко мне и

положил ладонь на плечо. – Ты прекрасен, Румпельштейн. Разве ты этого не понимаешь? Они просто пока не видят этого.

Наступила ночь, и люди стали уставать и разбредаться по своим скромным жилищам, но клялись, что придут сюда и завтра, и послезавтра, пока не увидят на земле моё мертвое тело.

Вскоре мне удалось заснуть, и во сне ко мне снова явилась моя дочь. Теперь я ещё сильнее скучал по её обществу. Девушка взяла меня за руку и повела к крутому холму. С его вершины я увидел Королевство Скорби с высоты птичьего полёта: оно было окружено водой на Юге, на Западе и на Востоке. А на Севере стояла скованная льдом моя родная деревня.

- Видишь, каким маленьким кажется отсюда королевство? – спросила у меня во сне Рапунцель. Это был последний сон, который она сплела для меня до того, как её похитили. Я думал, что умру и буду смотреть этот сон вечно.

Она была права насчёт королевства. Всё величие и мощь королевства казались незначительными в сравнении с расстилающимся за океаном миром, видимым с вершины холма.

- Не позволяй злу себя изменить, Румпельштильцхен, - произнесла девушка, похлопывая меня по плечу. – Будь сильным. Не дай ему превратить тебя в Румпельштейна. Верь в своё истинное имя, и оно даст тебе великие силы. Будь терпелив, и все твои страдания окупятся.

Похоже, моя Рапунцель была мудра не по годам.

- Я чувствую, что приближается война, Румпельштильцхен, и лишь одна сторона в ней окажется победителем, - моя дочь развернулась и пошла прочь.

- Подожди! – закричал я. Её маленькая фигура быстро исчезала и теперь была только точкой на горизонте сплетённого ей самой сна. – Меня не волнуют войны. Меня не волнует королевство. Я просто хочу вернуть свою дочь. Как мне найти тебя? – спросил я отчаянно. Я даже не понимал, настоящей она была, или это не более чем игра моего воображения.

- Меня будет сложно найти, - сказала Рапунцель через плечо. Её длинные волосы развевались на ветру, взлетая и колыхаясь на фоне серебристой луны и усыпанного звёздами неба. – Похитить как можно больше детей. Это должны быть первенцы. Во снах некоторых из них есть подсказки на местонахождение моей тайной темницы. Если ты сможешь правильно разгадать детские сны, ты узнаешь, где я.

- Мне это не нравится, - произнёс я. – Должен быть более лёгкий путь.

Интересно, почему она не может перейти сразу к делу и рассказать мне про более простой способ? А может, в моих снах совсем не Рапунцель?

Её взгляд пронзил меня насквозь.

- Есть ли более лёгкий путь, Рапунцель?

- Этот путь может быть более лёгким для тебя, но гораздо сложнее для других. Но я расскажу тебе о нём, - решила девушка. – Когда ты найдёшь себя, ты найдёшь и меня, - произнесла она и растворилась в темноте.

Я проснулся среди ночи и задался вопросом: интересно, каким она видела меня во сне? Видела ли она моё тошнотворное, бездушное тело?

Той ночью я попробовал отправиться на разведку башни, тщательно обдумывая слова Рапунцель. Но прежде, чем я успел разгадать её слова о поиске себя, как моих ноздрей достиг запах дыма. Я подбежал к окну, и мне открылась отвратительная картина: крестьяне Скорби поджигали башню.

Они уже поймали Хозяина, но горбуна нигде не было видно. Скоро я здесь умру. Как иронично – я умру во второй раз в своей жизни.

Я стоял посреди горячей башни, и тут увидел человека, которого никогда прежде не встречал. Это был блондин в нарядных одеждах, и к моему удивлению, огонь не обжигал его.

- Кто ты? – спросил я.

- Терпеть не могу, когда кто-то задаёт мне такие вопросы. «Кто ты?» «Откуда ты?» «Ты здесь часто бываешь?» Ты ведь со мной спать не собираешься, так? Не так важно, кто я такой, как то, что я могу сделать! – театрально заявил он.

- Ты можешь помочь мне выбраться отсюда?

- Ты просто снял эту фразу с моего языка, - мужчина ухмыльнулся и прищёлкнул пальцами. – Всё имеет свою цену, кроме, хм, одного. Но я не скажу тебе, что это, учитывая, что готов отпустить потенциального грешника.

- Денег у меня нет, - предупредил я.

- Друг мой, деньги слишком переоценивают. Деньги гораздо проще сжечь, чем человека, - он горько усмехнулся, будто что-то вспомнив. – Люди, - пробормотал он, словно разговаривая с самим собой, – ужасные существа. В отличие от меня, они созданы, чтобы убивать и совершать отвратительные вещи, и уверены, что им это сойдёт с рук, - вздохнул он.

- Я не совсем понимаю.

- Да и не важно, - взмахнул он рукой в перчатке. Я заметил, что вся его одежда была дорогой. – Люди платят другими вещами, более прекрасными, чем деньги. И поверь, я заслуживаю той платы. То, на что я способен, не описать словами, - добавил он.

- Что это значит? Что ты здесь делаешь? И на что ты вообще способен?

- Не волнуйся, что я стою посреди бушующего пламени. Для меня это как горячая ванна, а я очень люблю принимать ванну каждый день. Скажем так: моё дело – ловить людей... Падших людей. Догадываешься, о ком я?

- Я не «падший», - сказал я, проигнорировав его комментарий насчёт огня.

- Ошибаешься, Румпельштейн. Я всё знаю о тебе, о твоей дочери, о Королеве Скорби и о тех жалких людишках, желающих тебя убить только потому, что ты от них отличаешься. Если бы я был на твоём месте – воскрешённый сумасшедшим Хозяином – я бы захотел отомстить миру. Между прочим, месть – это здорово. Просто восхитительно.

- Я хороший человек, - сопротивлялся я.

- Только вот выглядишь не очень хорошо, - поддразнил он меня, вскинув брови. – Но мы всегда можем это исправить. Да и внешность тоже переоценивают. Если честно, переоценивают вообще всё, кроме чье-либо души.

- Я не тот человек, которому нужна месть, поэтому если ты не можешь меня спасти, то уходи.

Меня скоро сожгут заживо, и выхода я не вижу.

- Да ладно, - мужчина сделал шаг вперёд и подмигнул мне. – Мы оба знаем, как тебе надоело быть хорошим человеком. Просто осточертело. Ты как мышь, отказывающаяся есть сыр. Как белка, поклявшаяся не есть орехи. Как оборотень, утверждающий, что в это полнолуние он обернётся пушистым котиком. Ну да, отвратительные метафоры, знаю. Уж прости, я не поэт. Только вот ты не смог защитить семью своей волшебной добротой, ведь так?

Я стыдливо опустил голову. Похоже, она могла в любой момент отвалиться, потому что я чувствовал, как свободно она двигается на шее.

- Не стоит стыдиться, - театральнo взмахнул он руками в воздухе, как волшебник. – Все мы когда-то пытались быть хорошими, но провалились. Ничего нового. Это случается каждый день. Винить надо маму и папу, которые в детстве уверяли тебя, что мир добрый. Но ты будешь глупцом, если для разнообразия не попытаешься стать плохим. Кто знает? Может тебе удастся быть плохим? Может, в этом твоя судьба? – засмеялся он.

- Кто ты?

- Ну вот, снова и снова задаёшь один и тот же вопрос! Я – тот, кто сможет тебе помочь, но я не могу назвать тебе всех своих имён. Да и самое важное сейчас то, что я могу помочь. Помочь обрести тебе настоящее тело, влить душу в бездушное создание, подобное тебе. Позаботиться о твоей руке – похоже, она скоро отвалится. Между прочим, друг мой, тебя не очень хорошо сшили. Измучили? Да. Сшили? Нет. Кстати, мне это напоминает твоё забавное имя. Как там? Румпельштильцхен? – он помахал у меня перед носом пальцем. – Давай придадим тебе фаустовский облик, и не спрашивай у меня, что это такое.

- Мне это не нужно. Всё, что я хочу, это найти свою дочь, - сказал я.

- Ты не сможешь найти то, что забрала у тебя Королева Скорби, если останешься хорошим. Ты только взгляни на себя!

- Знаю, я выгляжу чудовищно, - я опустил голову, но сразу вздёрнул её обратно, напоминая себе, что не хочу, чтобы она отвалилась.

Мужчина начал кружиться и танцевать, дирижируя себе в воздухе руками. Он пел песню, но не лучшим образом вытягивал мелодию:

- Ты так ужасен, чтобы быть настоящим. Я не могу отвести от тебя взгляд...

Тут он резко остановился, словно забыл, что я за ним наблюдаю, и вдруг вспомнил, а теперь смутился. Мужчина повернулся ко мне и поправил галстук.

- Прости. Меня иногда заносит. Ты не должен был этого видеть.

- Моя дочь сказала, что я найду её, когда найду себя, - произнёс я, решив проигнорировать действия мужчины. Мы были посреди гигантского костра, а он танцевал! Как мне надо на это реагировать?

- Ох, - он притворился, что ищет платок в своих нагрудных карманах. – Прости, но тебя здесь нет. И здесь нет, и здесь. Ты пропал, друг мой.

У мужчины была необъяснимая способность заставлять меня чувствовать себя ужасно. Внезапно месть показалась не такой уж плохой идеей. Я могу умереть в огне. Я был сыт по горло притворством и настаиванием на том, что я хороший. Я устал ждать божественного вмешательства. И пока я ещё не умер, мне надо заключить сделку по поводу моей жизни. Ну, второй жизни.

- Если бы я был на твоём месте, - произнёс мужчина, - то скормил бы им то же, чем они пичкали тебя: око за око и всё такое. Разве твоя дочь не говорила, что если ты украдёшь достаточно детей, то сможешь увидеть в их снах местонахождение дочери?

- К чему ты ведёшь? И откуда ты знаешь о сне?

- Я веду к тому, что они украли твою дочь, и теперь будет довольно сложно её найти. У тебя пока ничего не выходит, так как насчёт воровства их первенцев? Что если я дам тебе силу уговаривать отдавать вещи за определённую плату? Как обманом заставить людей отдавать

тебе их первенцев? Всех тех жителей Королевства Скорби, что унижали тебя, кто стоит внизу и ждёт твоей смерти? Никто из них не был добр по отношению к тебе. Так что не вижу причины быть добрым с ними.

- Я хороший...

- Да знаю, знаю. Слышал уже миллион раз. Ты хороший человек. И слабак. И почему меня это вообще волнует? Думаешь, эти люди под башней позволят тебе жить, пока у тебя не появится такое же нормальное тело, как и у них? Будь умным и прими мои мудрые слова.

- Какие мудрые слова? – спросил я. Сомневаюсь, что он вообще может такие сказать.

- Если я не могу внушить любовь, то могу вселить страх, - ответил он. – Ну ладно, это не мои слова. Просто цитата из книги, но идею ты понял.

- Ладно, - кивнул я, решив, что если у меня появятся нормальное тело и душа, то я смогу, по крайней мере, найти свою дочь. – Что мне надо сделать, чтобы ты мне помог?

- Всё просто. Подпиши вот здесь, - он протянул мне книгу. – Только подпись должна ставиться кровью, - он подошёл ко мне и царапнул ногтем. Естественно, кровь из раны не пошла. Я же был простой вещью.

- Ох... У тебя нет крови? Ничего, сделаем по-другому. Плюнь сюда, - показал он пальцем на место, где должна стоять моя подпись.

- Плюнуть?

- Плюнуть! Всё сработает. У разных людей слюна имеет разный состав. Ты это знал? Через пару веков кто-то откроет ДНК. К тому же это проклятый контракт, так что ничего страшного, если ты на него плюнешь.

Я подписал контракт, и мужчина дал мне проглотить шар огня, сказав, что он принадлежал древнему богу по имени Прометей. Этот огонь исцелил моё тело, и я стал ходящим мертвецом, живым на вид и с новым телом, позади которого никто не мог меня опознать. Я сбежал от одного безумного Хозяина и угодил к другому...

То, что происходило дальше, слишком сложно и долго, чтобы описывать в дневнике. Всё, что я могу сказать, это то, что каждый раз, когда я забирал первенца, я просто хотел узнать о своей пропавшей дочери. Моя злость и моё могущество затуманили мой разум. Королева Скорби продолжала прятать от меня дочь по причинам, о которых я ничего не знаю. Она так и не выяснила, что я – тот человек, которому её охотники отрубили голову. Мне даровали новое, улучшенное лицо и тело, и в сравнении с ним на моё прошлое тело было стыдно смотреть. И естественно, этим я сказал «прощай» Румпельштильцхену и «добро пожаловать» Румпельштейну.

Годы шли, воспоминания о моей дочери ушли на задний план моего разума, и я сдался своей тёмной стороне. Я даже построил в Королевстве Скорби школу, где с завидным постоянством пропадали ученики. Разве можно придумать место лучше, чтобы похищать первенцев? Не играло роли, шесть им было лет или десять. Главное, чтобы они были первенцами. Конечно, их исчезновения разбивали сердца их родителям, но на время тушили огонь в моём собственном сердце.

Я потерял своё истинное «я», и мне не оставалось ничего, кроме того, чтобы принять личность Румпельштейна – могущественного и опасного человека. Я часто вспоминал вопрос, который не успел задать своему Хозяину, своему создателю: почему он вернул меня к жизни?

Почему он сказал, что мне уготована великая судьба? Чтобы найти ответы на эти вопросы, мне надо было узнать его имя.

Я искал его дни и ночи напролёт, но не находил. Я даже устроился на работу к Королеве Скорби, предав и свою дочь, и старого Румпельштильцхена, всё ещё живущего в глубине меня. Я поступил так, потому что не видел другого выхода. Я подозревал, что Королева может вывести меня на Хозяина, а заодно и на мою дочь.

И вот так я покинул команду хороших людей и погрузился в пучину зла. Но ничего не изменилось до того дня, как я встретил девушку в красном плаще.

Я искал сумасшедшего учёного в лесу Скорби, когда заметил её, сжимавшую косу. Я попытался её обойти, но девушка меня остановила.

- И куда же ты идёшь, тик-так, тик-так? – насмешливо улыбнулась она.

- Моё время пришло? – спросил я. Я видел её во сне, когда умирал в первый раз, поэтому теперь знал, что это Смерть.

Она вытащила маленькие песочные часы и поставила их на землю.

- У тебя есть время, пока песок из верхней части не пересыплется в нижнюю, - ответила она, улыбнувшись и погладив облезлого кота на плече. Её улыбка напомнила мне о Рапунцель. У ног девушки крутились белки и другие маленькие зверьки. – Лучше бы тебе загадать желание или ещё что-нибудь, потому что время-то уходит. Тик-так, тик-так...

- А ты уверена, что искала именно меня? – пытался я выиграть время у Смерти.

Девушка развернула лист бумаги и прочитала:

- Ты Рум...пель... штиль... Боже, твоё имя такое сложное! Но я уверена, что это ты. Никто не обманывает Смерть.

- Но меня зовут не Румпельштильцхен, - солгал я. – Я Румпельштейн.

- Ага, а я Волшебница Изумрудного города. Готовься, потому что я сейчас отрублю твою голову. Щёлк. Щёлк. Щёлк, - взмахнула она в воздухе косой, словно та была игрушечной. Белки радостно запрыгали у её ног. – Слушай, я терпеть не могу эту работу, поэтому давай побыстрее с этим разберёмся. А, ещё... Я принесла тебе хлеб и пирожки. Ты же любишь пирожки?

- Люблю, но я не могу поверить, что сейчас умру.

- Хммм, - она вздохнула, искренне мне сочувствуя. – Между прочим, меня зовут Поварёнок, - она дружелюбно протянула мне руку.

- Пожалуйста, - упал я на колени. – Я не могу умереть сейчас. Я ещё не нашёл свою дочь. Ради неё я даже продал свою душу.

- Да, я тебя помню, - произнесла девушка, подбрасывая в руке кокос. Она дважды постучала по нему и пробормотала себе под нос: «Прекрасно». – Это тебя убили охотники Королевы, - резюмировала она.

Я кивнул:

- Мне казалось, что я видел тебя прямо перед смертью. А может, мне просто показалось.

- Нет, это была я, - она сорвала что-то с дерева, засунула в рот, а спустя долю секунды выплюнула обратно. – Фу, какая гадость, - пробормотала девушка. – Это была я. Я пыталась спасти тебя от Тени. Ты не должен был умереть в тот день. Твоё время тогда ещё не пришло. Я старалась тебя спасти, но не смогла.

- Тогда спаси меня в этот раз, - попросил я. Девушка была молода, лишь на год или два старше моей дочери, но с тех пор, как я увидел её в день своей первой смерти, я понял, что она убьёт меня в мгновение ока, как только придёт моё время.

- Я видела в тот день твою дочь, - девушка аккуратно подбирала слова. – Она прекрасна, а её волосы... О Боже, они сногшибательны! Такие длинные и шёлковистые. Вот бы и у меня были такие замечательные волосы! Я слышала, что она умеет прясть сны для детей. Это правда?

Я кивнул, никак не веря, что стою лицом к лицу со Смертью.

- Так печально, что Королева её забрала, - грустно произнесла девушка.

- Ты видела её с тех пор?

«Если она ответит положительно, то я с лёгкой душой готов умереть».

- Нет, - она провела лезвием косы по красному плащу, как по точильному камню. – Никто никогда не слышал о девушках, оказавшихся во дворце Королевы. Иногда я задаю себе вопрос: а смогу ли я сбежать оттуда, когда придёт её время, и я должна буду забрать Королеву? Знаешь что? Я тебя отпущу, - внезапно сказала она, смеясь над щекочущей её шеей белкой.

- Правда? Почему?

- Найди свою дочь, а потом я с тобой закончу. И не пытайся играть со мной. Древо Жизни скажет мне, когда ты найдёшь свою дочь.

- Но разве ты не нарушаешь правила, отпуская меня?

- Королева нарушила их первая, позволив тебе умереть, - подмигнула мне девушка. – Иногда мне приходится ломать установки. Ты же не думаешь, что я всегда могу аккуратно выполнять свою работу? Всё, ты слишком много болтаешь и тратишь моё время. Я должна вернуться к своим любимым. Поэтому я сделаю это ради твоей дочери, – она замолчала на секунду, – и ради тебя.

- Ради меня? Отчего?

- Не знаю, но в тот день, когда похитили твою дочь, я считала тебя, Румпельштейн, хорошим человеком. У тебя ещё есть время начать всё с чистого листа. И, между прочим, твой Хозяин мёртв. Я знаю, что ты его искал.

- Что?

- Он похоронен на том холме. Я видела, как ты о нём расспрашиваешь, и решила сказать.

Я посмотрел на вершину холма, и моё сердце бешено заколотилось. Я не мог понять, как создатель может умереть. И кто же расскажет мне о том, зачем меня создали? Но, по крайней мере, у меня появился шанс узнать его имя.

- Эй, - позвала меня Смерть до того, как я начал взбираться вверх, – ты знаешь, где тут рынок? Мне нужен Гоблинский Фрукт для Волка, а то он скоро так проголодается, что съест меня.

- Какого Волка? – нахмурился я. – И почему Смерть не знает дорогу к рынку?

- Ну, я же Смерть, а не Христофор Колумб или Нострадамус!

- Полагаю, Смерть не боится гоблинов на рынке?

- Правильно полагаешь, - взмахнула девушка косой. – Так, где он?

Я отвёл её к рынку, а потом повернулся обратно к холму. С каждым вдохом моё сердце готово было вырваться из груди. Кто же мой создатель? Скажет ли мне что-нибудь его имя?

Я карабкался и карабкался, тяжело дыша, пока не оказался перед единственной могильной плитой на всём кладбище. Начался дождь. Я опустился на колени, чтобы прочесть имя человека, сшившего меня и вернувшего к жизни по причинам, находящимся за пределами моего понимания.

И когда я прочитал его имя, из глаз моих полились слёзы. Они смешивались с потоками дождя, и от этого мне стало только грустнее. Это напомнило мне о моей личности – ещё одной слезинке, потерянной в каплях дождя, на которую никто не обращает внимания. В то время имя на плите ничего мне не говорило. Но глубоко в душе я надеялся, что как только я узнаю, как его зовут, мой создатель волшебным образом появится рядом, мы сядем за стол и поговорим о причинах моего создания.

Позже, когда я узнал, чьё это имя, вопросов появилось только больше. Я чувствовал себя каким-то персонажем в книге, созданным воображением автора. Словно я ненастоящий, не существующий, и людей просто заставили в меня поверить. Но как такое возможно, если я чувствую себя таким живым?

Надпись на могиле моего создателя гласила:

«Якоб Карл Гримм.»